

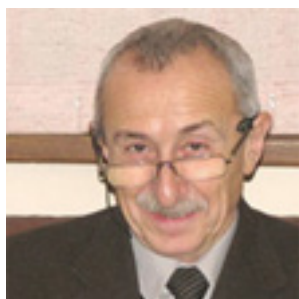
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЗЕРКАЛО СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.757

Отношение к профессиям как индикатор социальных изменений

Ссылка для цитирования: Константиновский Д. Л. Отношение к профессиям как индикатор социальных изменений // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 4. С. 155–166. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.757

For citation: Konstantinovskiy D. L. Attitudes towards professions as an indicator of social changes. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 155–166. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.757

**Константиновский
Давид Львович¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

scan21@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 77331

Аннотация. Анализ отношения к различным профессиям (привлекательности либо престижа) является необходимой частью изучения выбора профессии. Динамика отношения к занятиям свидетельствует, что она отчётливо связана с текущей ситуацией и меняется при возникновении новых явлений в ней. Это хорошо видно на информации, полученной в опросах старшеклассников школ. Так, в данных 1960-х гг. заметны отголоски недавних событий – запуска первых советских «Спутников», полета Юрия Гагарина; очевидна связь с востребованностью профессий, так или иначе связанных с наукой и техникой: велика привлекательность занятий ученых, инженеров. В годы экономических трудностей и дефицита обратил на себя внимание взлёт привлекательности профессий продавца, бухгалтера, до того оказывавшихся в числе самых низко оцениваемых. Затем наступило время, когда в лидерах оказались банковский работник, юрист, бизнесмен, внешнеторговый работник, а ученые, преподаватели опускались всё ниже по шкале привлекательности. В 2010-х к лидерам присоединился госслужащий. Мнения, высказанные в каждом последующем году, принадлежат другой когорте молодежи. Анализ этой динамики на протяжении длительного периода времени позволяет также делать выводы о характеристиках, принадлежащих разным поколениям. При этом обнаруживается, что для интерпретации данных необходимо рассмотрение отношения к занятиям в связи с накопленным опытом семьи. Семейный опыт транслируется в образовательные и профессиональные ориентации детей. Это подтверждается данными о мотивации и собственно выборе образования и профессии. Вывод о том, что формирование ориентаций молодежи связано не только с восприятием актуальной ситуации, но и с социальным опытом предыдущих поколений, основан на материалах более чем 50-летних измерений.

Ключевые слова: выбор профессии, молодёжь, привлекательность профессий, престиж профессий, социальные изменения

Введение

Рассмотрение отношения к различным профессиональным занятиям (их привлекательности либо престижу) является необходимой частью анализа выбора профессии. Теоретическая основа исследований процесса выбора профессии предусматривает, что он состоит из нескольких фаз, в которых отношение к профессиям играет ведущую роль, видоизменяясь со временем, точнее – с ходом социализации индивида. Индивид переходит от фантастического выбора к реалистическому, от этапов, когда преобладает эмоциональный интерес к каким-то видам деятельности, к этапам, когда для принятия решения о выборе синтезируется много субъективных и объективных элементов, которые трактуются индивидом применительно к его ценностям и целям; при этом осмысливается сложность взаимоотношений собственных особенностей и объективных условий реального мира [13]. Упоминание отношения к занятиям естественно, как часть определения выбора профессии: «Выбор профессии – осознанное или неосознаваемое предпочтение при определении своего места в профессиональной стратификации общества» [5, с. 52]. Наконец, анализ отношения к различным занятиям важен в принципе, поскольку «профессии оказываются в центре любого исследования социальной стратификации» [12, с. 309].

Интерес к тому, как люди относятся к разного рода профессиям, возник в российской социологии практически сразу, как только она начала возрождаться. В 1962 г. старшеклассники школ Новосибирской области впервые заполняли анкеты, в которых им предлагалось оценить привлекательность десятков различных профессий. Сегодня можно лишь строить предположения, что побудило В. Н. Шубкина, экономиста по специальности, накануне своего сорокалетия перебравшегося из столицы в новосибирский Академгородок, предпринять социологическое исследование, ставшее впоследствии классикой. Почему существенной частью этой работы стало изучение привлекательности профессий? В дальнейшем ему подарили книгу, фундаментальный труд под редакцией Р. Бендикса и С. Липсета, цитата из которого приведена выше, включавшая специальный раздел “A Comparative Study of Occupational Prestige», где Ходж Р. В., Трейман Д. Дж. и Росси П. Г. подвели итоги масштабного исследовательского проекта [12, с. 309–334]. Понятно, что Шубкин не был знаком с этой книгой до весны, когда упомянутые выше анкеты появились в школах. К тому же, престиж и привлекательность – понятия разные, хотя и близкие, они предполагают различные основания для измерений и не могут рассматриваться как тождественные (хотя в публикациях и встречается такая путаница). Начинание было подхвачено в других регионах, в союзных республиках, и в последующие годы, по выражению В. А. Ядова, страна была покрыта анкетами Шубкина. Полученные результаты, весьма сходные в разных регионах, отражали и состояние экономики, и особенности образовательной инфраструктуры в них, и воздействие официальной пропаганды.

Опросы повторялись сначала ежегодно, потом – с интервалами, которые определялись разными причинами, как организационными, так и финансовыми, и продолжают до настоящего времени, когда проведение исследования перешло к Институту социологии ФНИСЦ РАН. Результаты исследований показали, что привлекательность профессий у молодёжи отчётливо связана с текущей ситуацией и меняется в связи с новыми явлениями в экономике [2, с. 132–151]. Вместе с тем, накопленные за десятилетия материалы позволяют также сделать вывод, что оценки профессий указывают и на связь их привлекательности с накопленным опытом поколений. Эта существенная особенность формирования профессиональных ориентаций рассматривается в данной статье на материалах более чем 50-летних измерений.

Методика исследования

Школьникам предлагалось проставить по 10-балльной системе высшие оценки самым привлекательным, с их точки зрения, профессиям, низшие оценки – самым непривлекательным и промежуточные – профессиям средней привлекательности. Если подросток ничего не знал о какой-либо профессии, он ставил ноль. В списке профессий, привлекательность каждой из которых предлагалось оценить, были представлены как массовые, так и менее распространённые занятия, связанные с самыми разными сферами деятельности: тяжёлой и лёгкой промышленностью, транспортом и связью, сферой обслуживания, здравоохранением, образованием, культурой, наукой. Состав списка определялся не исключительно исследовательскими, но и вполне прагматическими соображениями. В него были включены профессии, актуальные для экономики региона, в котором сочетаются высокоразвитые промышленная и сельскохозяйственная составляющие. Необходимо иметь в виду, что в период возрождения социологических исследований, когда они ещё только пробивали себе дорогу в официальной советской науке, важно было показать их полезность, оправдать своё существование. Не следует думать, что лишь в последние десятилетия стали требовать от науки (и не только от неё) непосредственного «выхода»; такой настрой бытовал и много ранее (а возможно, без него не обходилось и всегда – вспомним алхимию, Великие географические открытия, да и многое другое). Экономике региона требовалось пополнение кадров, и потому изучение предпочтений молодёжи могло быть представлено академическому начальству как рациональная инициатива. Надо полагать, анализ привлекательности профессий был предпринят не без этих соображений. Список профессий неизбежно изменялся, обновляясь по необходимости: далеко не единственный, но, возможно, наиболее яркий пример – включение в него немыслимого (и запретного) для 1960-х гг. занятия, обозначенного как «бизнесмен», когда оно стало популярным в 1990-х.

Важная особенность производившихся замеров, что молодые люди выставляли оценки профессиям перед самым окончанием школы, когда выбор дальнейшей профессиональной и образовательной траектории нельзя было откладывать, поскольку надо принимать решение. Ещё одна особенность – речь шла не о престиже, как в ряде других, в том числе зарубежных, исследований, а о привлекательности профессий. Престиж профессий – распространённый, часто употребляемый термин, но ему свойственна значительная неопределённость. Например, престиж учителя не одинаков в учительской среде и у учеников, в городской школе и в сельской, в школе со значительными ресурсами и в испытывающей трудности. Он различен у родителей с разным уровнем образования, обладающим разным статусом. Этот ряд можно продолжать. Если иметь в виду престиж в обществе, то здесь мы тоже встречаемся с неопределённостью, поскольку общество неоднородно. В сибирском исследовании формулировка предельно точна: «Как Вы относитесь к перечисленным ниже профессиям?». Каждый из опрашиваемых старшеклассников накануне чрезвычайно важного шага в своей жизни как бы примерял на себя предложенные варианты занятий.

Данные о привлекательности профессий дают возможность судить о стадиях выбора, предшествовавших принятию решения о поступлении в ту или иную образовательную организацию или на работу по какой-либо специальности. В этих оценках выражены в значительной степени предпочтения, таким образом, у исследователя появляется возможность с некоторой степенью надёжности уловить, какие образовательные и профессиональные траектории избрали бы индивиды, если бы их выбор мог определяться предпочтениями в большей степени, чем иными факторами, условиями среды и влияниями. Несомненно, когда старшеклассник выставлял оценку профессии, он принимал во внимание не только собственные наклонности и предпочтения, но и свою академическую успеваемость, и состояние рынка труда, и возможности продолжения образования и пр. Всё же, надо предполагать, предпочтения превалировали. Это были очень персонализированные оценки, выставленные также на основании размышлений о собственном будущем, не абстрагированные или «оценки вообще», а весьма конкретные: оценки привлекательности профессий на основе собственного личного анализа своей ситуации и общей ситуации в стране, в регионе, в ближайшем окружении. Эмпирические данные, накопленные в ходе осуществления этого проекта, подтвердили, что в привлекательности профессий нашли выражение как предпочтения старшеклассников, так и реалии каждого года наблюдений. Анализ, вольно или невольно производимый юношами и девушками, заполнявшими анкету, был, таким образом, собственным и личным весьма относительно: в нём проявлялись и соображения родителей, и влияние других значимых людей, и общественное мнение, целый ряд внешних воздействий синтезировался в нём, – и это не умаляет, а ещё более поднимает значимость полученных данных.

Динамика привлекательности профессий

Допустимо ли рассматривать данные о привлекательности профессий в динамике? Опыт исследований показал, что такой подход даёт понимание того, как привлекательность профессий, а значит, жизненные ориентации молодёжи, притом не только профессиональные, соотносятся с переменами в жизни общества. Подтвердилось, что проставляемые школьниками оценки профессий – индикатор происходивших на протяжении этих лет социальных изменений¹.

Так, в данных 1960-х гг., полученных в Сибири, заметны отголоски недавних событий – запуска первых советских «Спутников» (начиная с 1957 г.), полёта Юрия Гагарина (1961), очевидна связь с востребованностью профессий, так или иначе связанных с наукой и техникой: велика привлекательность занятий учёных, инженеров [11, с. 189–204]. В 1963 г. привлекательность профессий научных работников – физиков, математиков, химиков – оценивалась старшеклассниками Новосибирской области почти в 8 баллов, практически такими же были оценки, выставленные профессиям инженеров и геологов. Высоко ценились занятия врачей, преподавателей высшей школы. Школьные учителя также получали весьма высокие оценки. При этом дети из разных семей – руководителей, специалистов с высшим образованием, служащих со средним профессиональным и общим образованием, рабочих – были солидарны в своих мнениях [3, с. 246–247, 261–268]. В период «застоя» – годы товарного дефицита – обратил на себя внимание взлёт привлекательности профессий продавца, бухгалтера, до того оказывавшихся в числе самых низко оцениваемых. В 1963 г. их привлекательность получила самые низкие оценки – между 2 и 3 баллами. В 1983 г. она поднялась до 4–5 баллов, а в 1994 г. ещё выше. А вот привлекательность профессии учителя неуклонно снижалась, приближаясь к оценкам, прежде полученным продавцом [3, с. 130, 129]. Научные работники и инженеры переставали быть лидерами привлекательности, теперь они возглавляли лишь вторую половину списка профессий; математик оказался рядом с продавцом – это не умаляет значимости профессии продавца, но показывает, как мало ценилась профессия учёного. Затем наступило время, когда в лидерах оказались банковский работник, юрист, бизнесмен, внешнеторговый работник, а учёные, преподаватели продолжали опускаться по шкале привлекательности. Юрист в 1994 г. получил почти максимум – 9 баллов [3, с. 250]. В 2013 г. бизнесмен, банковский работник и юрист остались во главе списка профессий по привлекательности, вплотную к ним приблизился бухгалтер. А врача и инженера стало возможно обнаружить только ниже в иерархии [6, с. 142].

В других регионах страны наблюдались аналогичные явления. Так, петербургские социологи, сравнившие свои результаты 1994–1995 гг. с данными В. В. Водзинской, осуществившей одно из первых в нашей

¹ Перемены в списке профессий не стали помехой для рассмотрения привлекательности профессий в динамике [9, с. 112].

стране исследований отношения граждан к профессиям, отметили, что «пирамида привлекательных профессий у выпускников школ буквально перевернулась» [8, с. 61]. По этим данным, как и по приведённым выше сибирским, в середине 1960-х гг. кумирами молодёжи были учёные: наиболее привлекательными были профессии научных работников в области физики, химии, математики, биологии, медицины (близки к ним по привлекательности были инженеры – радиотехники, геологи, лётчики, другие популярные в то время занятия) [1, с. 48]. К середине 1990-х гг. учёные в оценках выпускников школ оказались аутсайдерами, а в лидеры привлекательности стали пробиваться экономисты, бухгалтеры, продавцы, некогда достаивавшиеся самых низких оценок [7]¹. Поистине

«Век шествует путём своим железным;

В сердцах корысть, и общая мечта

Час от часу насущным и полезным

Отчётливей, бесстыдней занята»².

Представляется, что было бы поверхностным, а потому неверным относиться к этой динамике, с одной стороны, пессимистически, подчёркивая видимые изменения, как бы указывающие на перемены в разделяемых ценностях, а с другой – утешая себя тем, что всё же остаётся неизменной приверженность к обретению профессий, требующих высшего образования (речь идёт о молодых людях, оканчивающих полную среднюю школу и получающих, таким образом, возможность поступать в вузы). Нужно принять во внимание, что оценки, выставленные в каждом последующем году, принадлежат другой когорте молодёжи, а при таком длинном динамическом ряде мы имеем дело и с оценками, которые дали разные поколения. Соответственно, возможна расширительная трактовка полученной информации: речь идёт, по существу, не (только) об изменении отношения к профессиям, а о характеристиках когорт и поколений. Это, в свою очередь, ещё более увеличивает познавательный потенциал информации об оценках привлекательности профессий.

Интерпретация данных

Путь к пониманию специфики оценок 2010-х гг. открывают ответы на вопрос «Что важно для Вас, когда Вы оцениваете ту или иную профессию?» [6, с. 129]. В этих ответах – важные элементы характеристики изучавшейся (изучаемой) когорты.

Определимся сразу: эта когорта не изолирована от прошлого, не на облаке возникла; она, в определённом смысле, наследница предыдущих историй семей, её ориентации произрастали из них. После лет ломки и перестройки экономической жизни страны, определивших опыт пред-

¹ Затем, к середине 2000-х гг., привлекательность этих профессий вновь упала [8, с. 66]. То же отмечено и в сибирском исследовании.

² Баратынский Е. А. Последний поэт // Московский Наблюдатель, 1835, ч. I, с. 30.

шествующих поколений, разного рода ожиданий и трудностей, после кризиса 2008 года, наложившего отпечаток на опыт родителей, – молодые люди получили в семье такое наследство. Опыт семьи, сформировавшийся в предшествовавших ситуациях, наработанные годами образцы поведения – ключ к интерпретации оценок и их динамики находится именно здесь (поиски его в сравнении с изолированно рассматриваемыми данными прошлых десятилетий малоперспективны)¹.

Респонденты 2010-х вполне определённы в своих ответах; иных мнений трудно было бы ожидать. На первом месте по важности – хороший доход, который приносит профессия (61,8% выбравших для этого варианта ответа оценку «Очень важно»). Затем следует «С такой профессией всегда можно найти работу» (44,5%). Потом – близкие по оценкам варианты ответов «Позволяет стать независимым» (44,5%) и «На неё есть спрос в любой стране» (42,9%). Исчерпывающее объяснение, почему то и другое оказалось в лидерах, – в предыдущем абзаце статьи. Далее, наконец, с различными дистанциями по отношению к лидерам: «Нужна людям» (40,1%), «Пользуется признанием, уважением в обществе» (32,4%), «Носит высококвалифицированный характер (умственный, интеллектуальный труд» (29,6%), что возвращает нас к позитивным ожиданиям и оптимизму.

В другом исследовании, проведённом примерно в тот же период, старшеклассникам было предложено оценить по 10-балльной системе профессии из сходного с сибирским по содержанию перечня по трём критериям: общественная значимость, престижность и прибыльность. По критерию общественной значимости оказались выше других оценены врач (8,8), учёный (8,4) и военный (8,2); средние оценки получили преподаватель вуза (7,9), инженер, конструктор, проектировщик (7,8), юрист (7,3), финансист (7,1), фермер (6,8), менеджер (6,2) и дизайнер (6,1). По критерию престижности большинство профессий получили средние оценки: врач, военный и юрист – 7,8; финансист, экономист – 7,7; учёный – 7,5; инженер, конструктор, проектировщик – 7,4; дизайнер, модельер – 7,1; преподаватель вуза – 7; менеджер – 6,5. А по критерию прибыльности лидерами стали юрист (8,1), финансист (8) и военный (8); средние оценки достались инженеру, конструктору, проектировщику (7,7), дизайнеру, модельеру (7,5); но и учёному (7,1), врачу (6,8), менеджеру (6,8), преподавателю вуза (6,6) [4, с. 11–13].

Исследования мотивации выбора профессии и получения образования подтверждают данные, полученные при анализе динамики оценок привлекательности профессий. В мотивах важное место занимает стремление к самореализации, но непременно его догоняет по частоте упоминаний хорошо оплачиваемая работа [4, с. 9–10, 13–16; 6, с. 98–122]. Полученные в разных исследованиях данные о том, какие профессии молодые люди выбирают, определяясь со своей образовательной и профессио-

¹ Один из красноречивых примеров того, как сказывается опыт семьи: были годы, когда в данных о занятиях родителей старшеклассники писали, что отец был руководителем лаборатории в НИИ, а теперь возит одежду из Турции. Предоставляем читателю определить, когда это было.

нальной траекторией, также вполне согласуются с тем, как они оценивают занятия. Планы на будущее – намерения в отношении возможностей, имеющих в обществе для построения образовательной и профессиональной карьеры – формируются в значительной степени с учётом предпочтений.

При этом индивид в большей степени (чем ранее, когда формировались предпочтения) учитывает как объективные (такие, как состояние рынка труда, инфраструктура образования), так и субъективные (например, собственные способности) факторы; таким образом, происходит некоторое «приземление» предпочитаемого (или желаемого), и планы оказываются более обоснованными, нежели предпочтения. Так продолжается переход от выбора, который можно назвать абстрагированным или фантастическим, к выбору реалистическому, от интереса к видам деятельности к синтезу многих элементов. При этом нередко самыми предпочитаемыми оказываются не те профессии, которые при оценке занятий попадали в категорию престижных, а те, которые отвечают соображениям полезности, понимаемой как высокая оплата труда, а также доступности [10, с. 18]. Это наблюдение, как свидетельствуют публикации, поныне остаётся актуальным.

Традиционно (в том числе и автором данной статьи) рассматривалась дифференциация оценок привлекательности профессий в зависимости от пола респондентов, степени урбанизации места жительства, некоторых показателей социально-экономического статуса родителей. Приведённые выше соображения убеждают, что правомерным и весьма полезным был бы анализ оценок применительно к опыту семьи, транслируемому на профессиональные ориентации детей. Впрочем, связи оценок с характеристиками места жительства и статуса родителей (или обусловленность ими) вполне возможно интерпретировать также как багаж, получаемый наследниками и так или иначе реализуемый ими; представляется, что такая интерпретация будет лучше обоснована и поможет вернее понять происходящее в сознании молодых людей и определяющее их социальное поведение.

Заметим, что в анкетах есть вопрос относительно влияния родителей на решение о выборе дальнейшей образовательной и профессиональной траектории. Ответы на него могут использоваться при анализе наследования опыта семьи, но они отражают лишь представление респондента об этом влиянии, таким образом, не могут дать полную информацию о данном влиянии.

Заключение

Как и многое в современной реальности, отношение к профессиям имеет корни в нашем прошлом. Молодые, как это неоднократно утверждалось и эмпирически подтверждалось, чрезвычайно чувствительны к происходящему в социуме, быстро реагируют на перемены. «Все работы хороши», говорится в стихотворении для детей, но некоторые оказываются «более хорошими» и, соответственно, привлекательными, чем

другие. Одно из ярких свидетельств – сразу проявившийся у молодёжи крен в сторону овладения профессиями в тех отраслях, которые стали перспективными в новой российской экономике, что определило место новых когорт в современном обществе. В конце 1980-х гг. более трети молодёжи (до 30 лет) было занято в промышленности, около десятой части – в строительстве и сельском хозяйстве. А к середине 2000-х гг. доля промышленности стала меньше четверти (хотя и осталась ведущей в занятости молодёжи), практически вдвое сократилась доля в строительстве, на треть – в сельском хозяйстве. Молодёжь, уловив тенденции развития, ушла в развивающиеся отрасли [6, с. 50–53]. Однако легко и просто порвать с прошлым социальным опытом не дано и молодым. Интерпретация материалов исследований даёт возможность уяснить, как происходит синтез памяти о возможностях и ограничениях с осознанием новых возможностей и ограничений.

Такое развитие интерпретации, которое учитывает прошлый опыт, – не единственное расширение, возможное и необходимое при исследовании профессиональных ориентаций. Также можно с уверенностью утверждать, что оно полезно и в других исследованиях. Как и другие направления, на которые следует направить внимание социологов, чтобы выйти из привычных треков анализа и обнаружить новые взаимосвязи, а если повезёт, то и закономерности. Изучение динамики оценок профессий – лишь пример, один из многих.

Конечно, это потребует не только доброй воли исследователей, смелости и настойчивости. За предложениями ввести в рассмотрение новые обстоятельства и факторы неминуемо последуют трудности концептуализации, операционализации, создания методик, не всегда легко и в принципе преодолимые. Но это необходимый для понимания происходящего и единственный путь развития социальных наук, который возможен.

Библиографический список

1. Водзинская В. В. О социальной обусловленности выбора профессии // Социальные проблемы труда и производства: Советско-польское сравнительное исследование. Москва–Варшава / Под ред. Г. В. Осипова и Я. Щепаньского. М.: Мысль, 1969. 510 с.
2. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 552 с.
3. Константиновский Д. Л. Динамика неравенства. Российская молодёжь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999. 344 с.
4. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 5–19.

5. Кравченко А. И. Выбор профессии как социологический феномен: вопросы теории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 1. С. 49–66.
6. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи: 50 лет исследования (монография) / Д. Л. Константиновский, М. А. Абрамова и др. М.: ЦСПиМ, 2015. 232 с.
7. Саганенко Г. И., Гаврилушкина Т. В., Филиппов А. И., Шахбазова Н. Престиж научных профессий у молодежи // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Выпуск X. Материалы VI сессии Международной школы социологии науки и техники. СПб., 1996. С. 230–236.
8. Саганенко Г. И., Степанцова А. А., Степанова Е. И. Профессиональные предпочтения молодежи как показатель общественных перемен // Высшее образование в России. 2015. № 2. С. 59–70.
9. Черноволенко В. Ф., Оссовский В. Л., Паниотто В. И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи (Опыт социологического исследования). Киев: Наукова думка, 1979. 216 с.
10. Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Социология образования: прикладной аспект. М.: Юрист, 1997. 301 с.
11. Шубкин В. Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). М.: Мысль, 1970. 288 с.
12. Bendix R., Lipset S. M. (Eds.) Class, Status, and Power. Social Stratification in Comparative Perspective. 2d ed. N.Y.: The Free Press, 1966. 667 p.
13. Ginsberg E., Ginsburg S. W., Axelrad S., Herma J. L. Occupational Choice: an Approach to a General Theory. N.Y.: Columbia University Press, 1951. 271 p.

Статья поступила: 4.10.21

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Константиновский Давид Львович, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Отдела социологии образования, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.757

Attitudes Towards Professions as an Indicator of Social changes

David L. Konstantinovskiy

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: scan21@mail.ru

ORCID ID 0000-0003-3316-0644

For citation: Konstantinovskiy D. L. Attitudes towards professions as an indicator of social changes. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 155–166. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.757

Abstract. Analysis of attitude towards various professions (attractiveness or prestige) is a integral part of studying the choice of profession. The dynamics of the attitude of young people to the studies indicates that it is clearly connected with the current situation and changes when new phenomena arise in it. Thus, in the data of the 1960s echoes of recent events are noticeable – the launch of the first Soviet “Sputniks”, the Yuri Gagarin’s flight. The connection with the demand for professions, one way or another related to science and technology, is obvious: the attractiveness of the occupations of scientists and engineers is great. During the years of economic difficulties and shortages, attention was drawn to the rise in the attractiveness of the professions of a seller, an accountant, which had previously been among the lowest rated. Then the time came when the leaders were professions of a bank employee, a lawyer, a businessman, a foreign trade worker, and scientists, teachers fell lower and lower on the scale of attractiveness. In the 2010s, a civil servant joined the leaders.

The opinions expressed in each subsequent year belong to a different cohort of young people. Analysis of the dynamics over a long period of time also allows one to draw conclusions about the characteristics belonging to different generations. At the same time, it is found that in order to interpret the data, it is necessary to consider the attitude towards classes in connection with the accumulated experience of the family as well. Family experiences are translated into educational and vocational orientations of children. This is confirmed by data on motivation and the actual choice of education and profession. The conclusion that the formation of youth orientations is associated not only with the perception of the current situation, but also with the social experience of previous generations, is based on the materials of over 50 years of data.

Keywords: Choice of profession, youth, attractiveness of professions, prestige of professions, social changes

References

1. Vodzinskaja V. V. O socialnoj obuslovlennosti vybora professii [On the social dependence of the choice of profession]. *Social'nye problemy truda i proizvodstva: Sovetsko-pol'skoe sravnitel'noe issledovanie*. [Social Problems of Labor and Production: A Soviet-Polish Comparative Study]. Ed. by G. V. Osipov, Ja. Shhepan'sky. Moscow–Warsaw, Mysl', 1969: 39–61 (in Russ.).
2. Konstantinovskiy D. L. Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sociologicheskikh issledovanij zhiznennogo starta rossijskoj molodezhi (1960-e gody – nachalo 2000-h). [Inequality and education. The experience of sociological research on the life starts of Russian youth (1960s – early 2000s)]. Moscow, CSP, 2008: 552 (in Russ.).
3. Konstantinovskiy D. L. Dinamika neravenstva. Rossijskaja molodjzh' v menjajush-hemsja obshhestve: orientacii i puti v sfere obrazovanija (ot 1960-h godov k 2000-mu). [Dynamics of inequality. Russian youth in a changing society: orientations and paths in education (from the 1960s to the 2000s)]. Moscow, Editorial URSS, 1999: 344 (in Russ.).
4. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. The attitude of young people to education in modern Russia. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2016: 1: 5–19 (in Russ.).
5. Kravchenko A. I. profession theoretical. The occupational choice as a sociological phenomenon: questions of the theory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologija i politologija*, 2017: 1: 49–66 (in Russ.).
6. Novye smysly v obrazovatel'nyh strategijah molodjzhi: 50 let issledovanija [New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research] / D. L. Konstantinovskij, M. A. Abramova et al. Moscow, CSPiM, 2015: 232 (in Russ.).
7. Saganenko G. I., Gavrilushkina T. V., Filippov A. I., Shahbazova N. Prestizh nauchny'x professij u molodezhi [Prestige of scientific professions among young people]. *Problemy dejatel'nosti uchenogo i nauchnyh kollektivov. Vypusk X. Materialy VI sessii Mezhdunarodnoj shkoly sociologii nauki i tehniki*. [Problems of activities of a scientist and research teams. Edition X. Proceedings of the VI session of the International School of Sociology of Science and Technology]. St. Petersburg, 1996: 230–236 (in Russ.).
8. Saganenko G. I., Stepancova A. A., Stepanova E. I. Professional preferences of young people as an indicator of social change. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2015: 2: 59–70 (in Russ.).
9. Chernovolenko V. F., Ossovskij V. L., Paniotto V. I. Prestizh professij i problemy social'no-professional'noj orientacii molodezhi (Opyt sociologicheskogo issledovanija). [The prestige of professions and problems of social and professional orientation of young people (Experience of sociological research)]. Kiev, Naukova Dumka, 1979: 216 (in Russ.).
10. Sheregi F. Je., Harcheva V. G., Serikov V. V. Sociologija obrazovanija: prikladnoj aspekt. [Sociology of Education: Applied Aspect]. Moscow, Jurist, 1997: 301 (in Russ.).

11. Shubkin V. N. Sociologicheskie opyty (Metodologicheskie voprosy social'nyh issledovaniy). [Sociological Experiments (Methodological Issues of Social Research)]. Moscow, Mysl', 1970: 288 (in Russ.).
12. Bendix R., Lipset S. M. (Eds.) Class, Status, and Power. Social Stratification in Comparative Perspective. 2nd ed. New York, The Free Press, 1966: 667.
13. Ginsberg E., Ginsburg S. W., Axelrad S., Herma J. L. Occupational Choice: an Approach to a General Theory. New York, Columbia University Press, 1951: 271.

The article was submitted on: October 4.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Head of Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia